

МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА БАБАЛЫК

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
mg-babalyk@ya.ru

К ИЗУЧЕНИЮ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ «СЛОВА О МАТЕРНОЙ БРАНИ»*

«Слово о матерной бране» предположительно появилось на рубеже XVI–XVII веков, самые ранние списки его датируются XVII веком. Даётся общая характеристика памятника, затрагивается вопрос о его происхождении, анализируются некоторые редакции и варианты текста, устанавливаются отдельные сюжетные параллели (с апокрифом «Беседа трех святителей», духовными стихами и другими сочинениями). Материалом для исследования стали более 70 рукописных списков этого памятника XVII–XX веков.

Ключевые слова: «Слово о матерной бране», рукописная книжность, духовные стихи, старообрядчество, апокриф «Беседа трех святителей»

В поздней русской письменности большой популярностью пользовались тексты нравоучительного содержания, среди которых выделяются сочинения о вреде чая, кофе, картофеля, сахара, табакокурения, винопития, матерной браны и т. д. В данной статье речь пойдет о текстах, в которых осуждается сквернословие. Центральное место в этом цикле рукописных памятников занимает «Слово о матерной бране» (далее – «Слово...»). Еще исследователи XIX века отмечали, что это сочинение входило в круг чтения старообрядцев¹. О «Слове...» писали А. В. Марков, Б. А. Успенский, Д. М. Буланин, А. Л. Топорков и другие ученые. Списки «Слова...» не раз публиковались.

А. В. Марков опубликовал несколько списков «Слова...», а также тематически близкие к нему памятники. Как предполагает исследователь, поучение о матерной бране могло появиться не ранее начала XVI века². Д. М. Буланин относит возникновение «Слова...» к XVII веку, поскольку более ранних списков пока не обнаружено [2; 537].

В письменных источниках осуждение матерной браны встречается с XV века. Так, А. В. Марков упоминает грамоту митрополита Фотия, где говорится: «Учите детей духовных, чтобы престали от скверных словес неподобных, что лаяти именем отцевым и материным, – чтобы не привыкали говорить лихих словес»³.

В исповедных вопросниках уже с середины XV века встречается вопрос «Лаял ли кому?». Особенно строго осуждалось оскорбление родителей. Например, в сборнике XV века (1450–1470 годов) книгописца Ефросина (РНБ, Кирилло-Белозерское собрание № 22/1099) в вопроснике для мужчин 36-й вопрос сформулирован так: «Аще ли отцу или матери лаял или бил...» [3; 416]. Как пишет М. В. Корогодина, в епитимийнике из этой рукописи наказание за брань – 40 дней поста. В XVI веке появляется выражение «заочно ругать»: «Не лаяла ли еси кого за очи без

вины?» [3; 378]. В Требнике середины XVI века в поновлении вельможам присутствует такой вопрос: «Согреших, злословив отцу или матери, даждь до злого слова проклятого, и похулив отца и матери» [3; 515]. Матерная брань воспринималась как язык иноверцев, нехристиан – «жидовский» язык; ср.: в Требнике последней четверти XVI века (РНБ, Софийское собрание, № 1065) в вопроснике для женщин 32-й вопрос «Отца и матери не лаяла ли, братью и сестр и всякого человека не лаивала ли по-жидовъски матерны?» [3; 473]. Отождествление матерной браны с «жидовским словом» характерно и для древнерусской учительной литературы; при этом, как отмечает Б. А. Успенский, «необходимо иметь в виду, что “жидовское”, как и “еллинское”, может отождествляться с язычеством» [5; 61].

Особенно строго матерная брань порицалась в иноческой среде. Так, между 1515 и 1554 годами старец Фотий Волоколамский в своем поучении против сквернословия отмечал, что Иосиф Волоколамский строго запрещал браниться матерно, но после его смерти в монастыре матерная брань распространилась⁴. В иноческих исповедальных текстах также встречаются вопросы о сквернословии: ср. в печатном Требнике 1623 года вопрос инокиням № 25 «Или срамнословила?» [3; 505]. Согласно иноческому Требнику первой половины XVII века, матерщинник подпадает под родительское проклятие: «Согреших, злословив отцу и матери, и досаждая им даже и до злого слова проклятого, и того ради от них в клятву впадох» [3; 518].

Б. А. Успенский отмечает, что «матерщина отличается в царских указах 1648 года, разосланных по разным городам, причем в одном из них подчеркивается недопустимость ритуально-го сквернословия в свадебных обрядах, а именно предписывается, чтобы “на браках песней бесовских не пели, и никаких срамных слов

не говорили”, чтобы “на свадьбах безчинства и сквернословия не делали” (царская грамота в Белгород от 5.12.1648) [5; 58].

Сколько бы ни боролись ревнители чистоты с матерной бранью, искоренить сие зло не удавалось. Вопиющим фактом была матерная брань среди женщин. Об этом свидетельствуют многочисленные полевые записи. Как отмечает А. Л. Топорков, женская брань несет более серьезные последствия, а потому и осуждается особенно тяжко. Исследователь приводит записанную им легенду, согласно которой Бог разрешил мужчине ругаться, но женщине запретил [4; 226].

Таким образом, тема матерной браны была очень актуальна для русского религиозного сознания с древних времен, нашла отражение и в канонических текстах, и в проповедях, и в фольклоре. Это обстоятельство объясняет широкое распространение «Слова...» как в новообрядческой, так и особенно к старообрядческой рукописной традиции.

Нам удалось изучить более 70 списков «Слово...» из рукописных хранилищ Петрозаводска, Великого Новгорода, Сыктывкара, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга, Москвы, Хельсинки, а также 6 опубликованных ранее списков. Заглавия их вариативны: «Поучение светых отец, яко не подобает бранити друг друга матерны» (НГМ, 30056-226/КР-81, XVII век); «Книга Измарагдъ, глава 2. Поучение святаго Иоанна Златоустаго о злой матерной лаи» (ИРЛИ, Карельское собрание, № 15, рубеж XVII–XVIII веков); «Книга Потребник Большой. Слово святых отец о полze душевней ко всем православным християном об матернее слове» (ИРЛИ, Пинежское собрание, № 621, середина XVIII века); «От Старчества наказание о неподобной и скверной брани, яко не подобает християном матерно бранити» (НБ СыктГУ, собрание Гагарина, № 11, XIX век) и другие. Ссылки на Потребник, Измарагд, Цветник, Маргарит, Старчество, Златоструй и другие книги, откуда якобы выписано «Слово...», очень характерны для его заглавий. Большинство списков имеют старообрядческое происхождение, входят в сборники из севернорусских собраний (Карельское, Пинежское, Усть-Цилемское, Мезенское, Латгальское собрания ИРЛИ, рукописи музея «Кижи», Национального архива Республики Карелия, Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета и т. д.).

Структура и содержание, общие для этих текстов, таковы: зачин-запрет («Не подобает, братие, православным христианам матерны браниться...» и подобные ему), перечисление причин, почему нельзя скверносоловить (оскорбление трех матерей – Богородицы, родной матери, матери сырой земли), далее говорится о духовном облике скверносоловца, невидимом глазу человека (уста у скверносоловца в тот момент запекаются кровью, наполняются смы-

лом, горят пеной и паром), затем дается запрет на соприкосновение со святыней (нельзя ходить в церковь, целовать икон и креста, причащаться), после всем верным предлагается не браниться и удалиться от скверносоловца, чтобы не заразиться нечистотой, далее может следовать сравнение сквернословия с лаем пса, рассказ об отнятии от скверносоловца покрова Богородицы, предрекаются разные беды и напасти за сквернословие, в заключении предлагается отказ от матерной браны, чтобы не лишиться Царствия Небесного.

Вопрос о происхождении этого текста на данном этапе работы не решен. С большой долей вероятности можно предполагать, что он появился на рубеже XVI–XVII веков, но пока наши археографические разыскания и наблюдения наших предшественников свидетельствуют лишь о том, что ранее начала XVII века списков не найдено.

Вернемся к упомянутому выше памятнику волоколамской письменности XVI века, опубликованному А. В. Марковым: «Старца Фатея, ученика великого старца Касияна Босово» об осуждении сквернословия в иноческой среде⁵. Старец Фотий – автор этого сочинения, родом из Киева, в 1509 году принял постриг в Иосифо-Волоколамском монастыре. Предположительно памятник создан между 1515 и 1554 годами⁶. А. В. Марков считал, что этот текст не имеет отношения к «Слову...», сближает памятники лишь общность тематики. Как нам кажется, связь между памятниками все же существует. Текст Фотия, как и текст одной из ранних редакций «Слово...», обращен к инокам. Фотий обильно цитирует Священное писание, святых отцов в доказательство, почему не нужно ругаться матерно. Ряд чтений в сочинении Фотия находит близкие параллели в «Слове...» (какие именно слова являются матерными, почему инокам нельзя их использовать в речи, о дьявольской природе мата, цитаты из сочинений апостола Павла и Иоанна Златоуста и др.). Таким образом, не исключено, что поучение Фотия входило в кругозор автора «Слово...» и явилось одним из его источников.

Единственный исследователь рукописной традиции «Слово...» А. В. Марков выделял три его редакции. Собранный нами материал показал, что редакций памятника гораздо больше. В данной статье мы отметим лишь некоторые из них.

Уже в XVII веке выделились две основные редакции, сохранившиеся вплоть до XX века: редакция, в которой сообщается о связи матерной браны с лаем пса (РГБ, собрание Большакова, № 422: «сия брань псом дана есть, а не православным христианом»), и редакция, где упоминание «песней браны» отсутствует, а акцент делается на всевозможных наказаниях за срамословие (РГБ, Вологодское собрание, № 57: «и за то спущает казни, мор и кровопролитие, и в воде утопление, и в многия беды, и напасти,

и скорби»). И в той и в другой редакции (назовем первую редакцией «с лаем пса», вторую – редакцией «с наказанием») есть свои варианты. Так, в редакции «с лаем пса» может быть выделен «иноческий» вариант – по сугубому запрету браны среди иноков («Не подобает православному христианину материны лается и блядиным сыном, *но иначе же иноком и преимущим старцем*»). Среди списков редакции «с наказанием» встречаются такие, в которых матерной браны по сути противопоставлена «Иисусова молитва» («но молитву Иисусову восприимем и добре живем, и от вечных муки избавимся»). Вопрос о взаимоотношении этих вариантов текста пока остается открытым, хотя к сочинению старца Фотия наиболее близок «иноческий» вариант первой редакции.

В некоторых списках «Слова...» усилен риторический и поучительный элемент, в других, наоборот, текст сильно сокращен.

Большой интерес для изучения представляет еще одна редакция «Слова...», которую условно назовем редакцией «с беседой». Этот вариант текста известен нам по двум спискам XVIII века: один из них был опубликован А. В. Марковым (третья редакция, по его классификации), другой обнаружен нами в ИРЛИ (Оп. 24. № 54). Оба списка озаглавлены «Слово иже во святых отец наших Василия Великаго, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго, вельми душеполезно, всем православным християном, яко не подобает православным християнам материны бранитися». В данной редакции наблюдается связь «Слова...» и популярного на Руси апокрифа «Беседа трех святителей» (далее – «Беседа...»).

Стоит отметить, что на связь «Слова...» с «Беседой...» указывал Б. А. Успенский [5; 66]. Исследователь обратил внимание на вопрос из «Беседы...», опубликованной В. Н. Мочульским по списку рубежа XVIII–XIX веков из РНБ, О. I. 200. «Что есть не подобает православным христианом бранитися? О. Понеже пресвятая Богородица мать Христу Богу, вторая наша мать родная, от нея же мы родихомся и свет познахом, терпя мятер земля, от нея же взяты и питаемся и в нея же паки возвратимся»⁷. Д. М. Буланин справедливо отметил вторичность приведенных Б. А. Успенским параллелей по отношению к «Слову...» [2; 536–537]. Действительно, процитированный вопрос из «Беседы...» имеет отношение к «Слову...», но он входит в состав поздней редакции этого апокрифа. На позднем этапе своей рукописной истории (XVII–XIX века) «Беседа...» активно впитывала в себя все новые и новые источники [1], поэтому в данном случае можно предположить влияние «Слова...» на текст «Беседы...».

Но связь двух памятников проявляется не только в том, что «Слово...» – в его «конспективном» изложении – входит в состав некоторых списков «Беседы...» в качестве одной вопросно-ответной пары. В выделенной нами редакции «с беседой» произошла своеобразная контаминация двух памятников, на которую ранее не обратили внимание исследователи. Отчетливую ассоциацию с «Беседой...» вызывает заглавие «Слова...» в этой редакции, где названы имена вселенских святителей Иоанна Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова (ср. с заглавиями ранних редакций «Беседы...», известных в списках XV–XVII веков: «Слово Василия Великаго, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго» [1; 49]). Обращает на себя внимание и сходство в композиционном построении текстов. Как и «Беседа...», «Слово...» в анализируемой редакции разделено на реплики участников диалога: «Василий Велики рече...», «Григорий Богослов рече...», «Иоанн Златоуст рече...». Очевидно, что такая композиционная форма является результатом влияния на «Слово...» древнерусской апокрифической «Беседы...».

Важно отметить в этой связи, что «Слово...» и «Беседа...» встречаются порой в одних рукописях (например, ИРЛИ, коллекция Амосова – Богдановой, № 91; РГБ, собрание Большакова, № 88 и др.). Русские книжники, таким образом, прекрасно осознавали тематическую связь двух памятников.

Однако, в отличие от «Беседы...», в анализируемой редакции «Слово...» имеется четвертый участник диалога – Богородица. Разговор начинает Василий Великий, он излагает практически все содержание «Слова...». Затем ему отвечает Богородица, смысл ее речи заключается в том, что она смогла бы испросить у Бога прощение грехов того человека, который не бранится. Здесь усматривается связь с духовным стихом о Василии Пьянице⁸, где подобным образом Богородица увершает Василия.

Далее в диалог вступает Григорий Богослов, утверждающий, что матерщинник подобен «Арию злочестивому». Матерная брань, таким образом, отождествляется в древнерусской письменности не только с «жидовской» речью, но и с ересью. Завершает беседу Иоанн Златоуст. Матерщинник предается анафеме: «Аще человек не престанет от такового злого слова, будет анафема, сиречь проклят в сем веце и в будущем» (ИРЛИ. Оп. 24. № 54)⁹.

«Слово о матерной бране» не утратило популярности вплоть до XX века, на его основе создавались новые сочинения¹⁰. Мы представили лишь некоторые предварительные результаты нашей текстологической работы.

* Работа выполнена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2014 годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Аристов Н. Я. Раскол в Симбирской губернии (исторический очерк) // Православный собеседник. 1877. Февраль – март. С. 222–223; Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1. С. 402–403.
- ² Марков А. В. Памятники старой русской литературы, издаваемые под редакцией и с примечаниями А. В. Маркова // Известия Тифлисских высших женских курсов. Тифлис, 1914. Кн. 1. Вып. 1. С. 142.
- ³ Марков А. В. О подлинности церковных грамот, входящих в состав новгородских летописей // Богословский вестник. 1911. № 9. Т. 2. С. 145.
- ⁴ Марков А. В. Памятники старой русской литературы… С. 180–181.
- ⁵ Там же. С. 131–137.
- ⁶ См.: Там же. С. 136.
- ⁷ Мочульский В. Н. Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса, 1893. С. 166.
- ⁸ На связь «Слова…» и духовных стихов указывал еще А. В. Марков.
- ⁹ В данном списке из ИРЛИ святитель Иоанн осуждает не только матерную брань, но и брадобритие, что является характерной приметой старообрядческих текстов.
- ¹⁰ См., например, записанный В. Ф. Ржигой духовный стих «О матерном слове» (Ржига В. Ф. 4 духовных стиха, записанных от калик в Нижегородской и Костромской губерниях // Этнографическое обозрение. М., 1907. № 1–2. С. 66) или текст, записанный П. Н. Шереметевым: «Слово скверное, слово матерное» (Шереметев П. Н. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902. С. 58–59).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИРЛИ – Институт русской литературы («Пушкинский Дом» РАН)
НБ СыктГУ – Научная библиотека Сыктывкарского государственного университета
НГМ – Новгородский государственный музей
РГБ – Российская государственная библиотека
РНБ – Российская национальная библиотека

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б а б а л ы к М . Г . Апокриф «Беседа трех святителей» в русской рукописной книжности: исследование и тексты. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 256 с.
2. Б у л а н и н Д . М . П оченіе о матерной брани // Словарь книжников и книжности Древней Руси. «Т–Я». Дополнения. Вып. 3. Ч. 4. СПб., 2004. С. 535–539.
3. К о р о г о д и н а М . В . Исповедь в России в XIV–XIX вв. СПб., 2006. 584 с.
4. Т о п о р к о в А . Л . Материалы по славянскому язычеству (культ матери-сырой земли в дер. Присно) // Древнерусская литература: источникование: Сб. науч. тр. Л., 1984. С. 222–233.
5. У сп ен с к и й Б . А . Избранные труды, том 2. Язык и культура. М., 1994. 688 с.

Babalyk M. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ON STUDY OF MANUSCRIPT TRADITION “WORD ABOUT OBSCENE LANGUAGE”

The “Word about obscene language” presumably appeared at the turn of the XVI–XVII centuries. The earliest reference to the work dates back to the XVII century. The article provides an overview of the written monument, considers its origin, analyzes some of the wordings and text options, restores some plots and parallels (with apocryphal “Conversation of the Three Hierarchs”, religious poems etc.). More than 70 hand-written works of the XVII–XX centuries monuments served as a study material.

Key words: “Word about obscene language”, handwritten book-learning, spiritual poems, apocryphal “Conversation of the Three Hierarchs”

REFERENCES

1. Babalyk M. G. *Apokrif “Beseda trekh svyatiteley” v russkoj rukopisnoy knizhnosti: issledovanie i teksty* [Apocrypha “Conversation of the Three Hierarchs” in Russian manuscript book-learning: research and texts]. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 256 p.
2. Bulanin D. M. Homily of obscene abuse [Pochenie o maternoy brani]. *Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. “T–Ya”. Dopolneniya* [Dictionary scribes and literature of ancient Russia. “T–I”. Additions]. Issue 3. Part 4. St. Petersburg, 2004. P. 535–539.
3. Korogodina M. V. *Ispoved’ v Rossii v XIV–XIX vv.* [Confession in Russia in XIV–XIX centuries]. St. Petersburg, 2006. 584 p.
4. Toporkov A. L. Materials on Slavic paganism (the cult of the mother-of damp earth in der. Prisno) [Materialy po slavyanskemu yazychestvu (kul’t materi-syroy zemli v der. Prisno)]. *Drevnerusskaya literatura: istochnikovedenie: Sb. nauch. tr.* [Old Russian literature: a source. Collection of scientific papers]. Leningrad, 1984. P. 222–233.
5. Uspenskiy B. A. *Izbrannye trudy, tom 2. Yazyk i kul’tura* [Selected Works, vol. 2 Language and culture]. Moscow, 1994. 688 p.

Поступила в редакцию 27.08.2014